

О. Л. Фетисенко

ПЕТР ПЕРЦОВ И ЕГО ПРИНОШЕНИЕ КОНСТАНТИНУ ЛЕОНТЬЕВУ

В статье прослеживается, как формировалось и менялось восприятие наследия К. Н. Леонтьева известным деятелем культуры Серебряного века П. П. Перцовым (1868–1947). В приложениях с подробными комментариями публикуется статья «Константин Леонтьев» (1916) — «приношение» Перцова к леонтьевскому юбилею, 25-летию со дня смерти мыслителя, а также впервые публикуются три письма друга и ученика Леонтьева прот. И. И. Фуделя к Перцову, в которых обсуждаются неосуществленные планы последнего — его намерение переиздать некоторые леонтьевские произведения.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, П. П. Перцов, В. В. Розанов, И. И. Фудель, консерватизм, славянофильство, философская рецепция, издательская практика.

Литературный критик и искусствовед, поэт, переводчик, издатель журнала «Новый путь» и мемуарист Петр Петрович Перцов (1868–1947)¹, один из «слишком ранних предтеч слишком медленной весны» русского символизма, разорвав литературное сотрудничество с народниками из редакции «Русского богатства», сблизился в середине 1890-х годов с рядом петербургских консерваторов. Он познакомился с Н. Н. Страховым (в последний год жизни философа), посещал «среды» Б. В. Никольского. В конце 1896 года у него завязалась переписка, а затем и личное знакомство с В. В. Розановым, вскоре переросшее в дружбу. Розанову виделась в Перцове «богатеишая наблюдательность», способность передавать «тоны и полутоны», «не подлый» и «чрезвычайно научный» ум без неприятной «ужимки ученого». Эти способности создали «фундамент

Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (betsy98@mail.ru).

¹ См.: о нем: *Лавров А. В.* Литератор Перцов // Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М., 2002. С. 5–34; *Эдельштейн М. В.* П. П. Перцов: проблема критического метода // Русская литературная критика Серебряного века. Новгород, 1996. С. 69–71; *Он же.* Концепция развития русской литературы 19 века в критическом наследии П. П. Перцова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1997; *Резниченко А. И.* П. П. Перцов: морфология нестроенной системы (1897–1947) // Резниченко А. О смыслах имен. М., 2012. С. 252–271.

если не яркого писателя <...> то чрезвычайно гармоничного и правильного»². В том же письме, где дан столь детальный разбор характера собеседника, Розанов предсказывал, что Перцова ждет тот же путь, что пройден Страховым: без внешнего успеха, но «чистый и спокойный»³.

Именно в общении с Розановым развивается интерес Перцова к Константину Леонтьеву. Вместе они сетуют на печальную «литературную судьбу» Леонтьева, то и дело обращаются к его образам и терминологии. По воспоминаниям С. Н. Дурылина, на принадлежащем Перцову экземпляре леонтьевского двухтомника «Восток, Россия и Славянство» (М., 1885–1886) была надпись: «Учебник смелости», которую «очень любил» Розанов⁴. Интересно, что тому же Дурылину Перцов напишет в конце 1926 года, что Леонтьев и в послереволюционные годы оставался «главным и самым интимным» его «собеседником»⁵.

В февральском письме 1898 года Розанов призывал своего младшего друга работать «над искусством и общими культурными задачами»⁶. Он не знал еще, что именно этим Перцов и был занят. Еще в 1897 году, изучая в Венеции историю и трансформации ее художественной школы (через несколько лет его наблюдения войдут в книгу «Венеция»), он пережил озарение, перенеся открытую им формулу параболического движения, описывающую историю искусства, на историю всемирную. Именно тогда возник замысел большого философского труда⁷ (более поздние авторские названия: «Основания диалогии», «Космономия», «Основания космономии»), предлагающего «мировую морфологическую формулу»⁸. Этот труд, претендующий на то, чтобы составить «завершение и подлинное раскрытие новой и самостоятельно-русской философии»⁹, еще в его зачатке (как по-розановски говорил сам Перцов, «эмбрионе»)

² РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 20 об.–21 об. (письмо В. В. Розанова к П. П. Перцову от декабря 1898 г.).

³ Там же. Л. 21 об.

⁴ Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 204.

⁵ Цит. по: Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология недостроенной системы... С. 259. Далее в письме следует знаменательное признание: «Вот кто первый прошел нашу дорогу и указал нам наш путь!» (Там же).

⁶ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 25.

⁷ См. о нем: Лавров А. В. Введение в «Диалогии» П. П. Перцова // Полярность в культуре. СПб., 1996. С. 204–216.

⁸ См.: Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология недостроенной системы... С. 257.

⁹ Позднейшая авторская оценка в письме к Д. Е. Максимову от 24 октября 1930 г. (цит. по: Лавров А. В. Литератур Перцов... С. 23).

Розанов назвал «огромной исторической фугой»¹⁰. У книги был основательный фундамент, который тщательно обдумывался и пополнялся годами, но вещественное воплощение шло так медленно, что к 1925 году были написаны лишь две первые главы, а затем работа продолжалась с перерывами до начала 1940-х годов¹¹.

В начале ноября 1898 года Перцов перечитывает ранние статьи Розанова, размышляя, какие из них стоит переиздать, и приходит к неожиданному для себя наблюдению: «...читаю о Леонтьеве — однако сей последний *чуть-чуть* не похитил у меня из-под носу мою Параболу!»¹². Выходит, о леонтьевской теории «триединого процесса развития» он узнал сначала из розановского ее изложения.

Более глубокое освоение трудов Леонтьева предстоит ему только в следующем году. 25 августа 1899 года Перцов сообщает Розанову: «Вот я читал недавно К. Леонтьева (все 2 тома прочел¹³). Вот кто мне очень интересен. Какая блестящая фигура! Как-то даже не отдельными его чертами (ум, оригинальность и т. д.) восхищаешься, а всем его обликом — настоящий крупный и своеобразный человек, среди нынешних сереньких совсем необычайный. Даже жаль, что почти всё им написано о политике — у него глубина понимания жизни несравненно больше, чем у Страхова, Данилевского и т. д. К<ак> интересно у него о христианстве! Я не говорю, что я с ним согласен, но вот с кем стоит и хочется философствовать...»¹⁴

Розанов, обрадованный этим известием, отвечал: «И Вы начинаете заражаться Леонтьевым. Да, одна из *привлекательнейших* фигур за XIX век у нас. <...> А ведь Вы, батенька, и Мережк<овский>, понюхав

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 32 об. (август 1898 года). В цитируемой А. И. Резниченко переписке с Дурылиным книга приобрела «домашнее» (скорее, «шифрованное») название «Шехерезада». Исследовательница не заметила здесь очевидную преемственную отсылку к хомяковской «Семирамиде», также оставшейся незавершенной.

¹¹ Пристально следивший за ходом работы над «Диалогией» Дурылин писал Перцову в 1939 г. после прочтения очередных глав: «Вы тут продолжаете дело Чаадаева, Хомякова, Данилевского, но замечательно, что у Вас исчезла уже <...> их прямолинейность. Вы прошли через культурную заставу наших символистов и европейцев конца 19 века. Вы тоньше Хомякова, ироничнее Чаадаева, глубже (метафизичней) эмпирика Данилевского» (цит. по: Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология недостроенной системы... С. 263).

¹² РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 19 (письмо от 5 ноября 1898 года).

¹³ Речь идет о сборнике «Восток, Россия и Славянство».

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 15 об.

Леонтьева — отвали<ли> же было со скукой. Да, великий ум и необыкновенно *обаятельный*. У меня есть много его писем¹⁵. Прочтете. <...> Да, именно этот эллин чуден к<а>к Аполлон, в *полном* своем лике; и по мне также выше он Стр<ахова> и Данил<евского>. Но Страхов — праведник, наш русский святой; у него хочется руку поцеловать: а Леонтьев — хочется посмотреть на его чудный бег на Олимпиях политики»¹⁶.

Перцов был немного возмущен этим напоминанием о том, что он не сразу стал «леонтьевцем», и 2 сентября 1899 года парировал: «Мережковский <...> что Вы меня всё им шпыняете? <...> пишете: „Вы с Мереж<ковским>, понюхав Леонт<ьева>, чуть было не отошли“. Это уж клевета — я с первой же брошюры Л<еонтьева> (о национ<альном> вопр<осе>¹⁷) — его забыть не мог»¹⁸.

В статье «Личность Владимира Соловьева» (1900) Перцов упомянул Леонтьева как последнего из славянофилов, примкнувшего к ним вынужденно, «стиснув зубы»¹⁹. Как замыкающего «плеяду» «восточников» (такое название Перцов предлагал взамен неточного «славянофилы») он рассматривал Леонтьева и в своем основном незавершенном труде, подчеркивая при этом, что Константин Николаевич — «такая яркая фигура, что, в сравнении с нею, весь ряд выглядит тускло»²⁰. С конца 1890-х годов Перцов печатался в газете «Новое время» (постоянным ее сотрудником он был с 1908 года²¹). В некоторых опубликованных здесь статьях он также вспоминал Леонтьева²².

Хорошо известна издательская (добавим: меценатская) деятельность Перцова. Он составил и издал сборники «Молодая поэзия» (1895), «Философские течения в русской поэзии» (1896), в 1899–1900 годы был

¹⁵ Через несколько лет письма Леонтьева с примечаниями Розанова будут изданы в «Русском вестнике».

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 25–26.

¹⁷ Имеется в виду брошюра Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции», вышедшая зимой 1889 года. Следовательно, тогда, заинтересовавшись этой брошюрой, Перцов впервые и узнал о существовании Леонтьева.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 20 об.

¹⁹ Перцов П. Первый сборник. СПб., 1902. С. 84.

²⁰ Перцов П. П. Основания космономии // Резниченко А. О смыслах имен... С. 295.

²¹ В 1908–1917 гг. здесь были напечатаны 553 его статьи. Он вел рубрики «Попутные заметки», «Литературные заметки», «Литературные ракушки» (под псевдонимом «Искаатель жемчуга»), участвовал и в рубрике «Маленький фельетон».

²² См., например, статьи в рубрике «Литературные письма»: Декаденты и буржуа // Новое время. 1909. № 12085. 2 нояб. С. 4; Между старым и новым // Там же. 1911. № 12701. 23 июля. С. 4 (рецензия на книгу Б. А. Грифцова «Три мыслителя»).

издателем и редактором четырех книг Розанова²³ и «Стихотворений» Д. П. Шестакова (1900). Как выясняется теперь, думал он и о посмертном переиздании отдельных трудов Леонтьева. Эта тема обсуждается в его несохранившейся переписке со священником Иосифом Фуделем (ниже²⁴ опубликовано три выявленных в Пушкинском Доме ответных письма), одним из близких учеников Леонтьева, будущим издателем его сочинений²⁵. Идею переиздания брошюры «Наши новые христиане» (1882) о. Иосиф сразу не одобрил, против же того, чтобы Перцов подготовил отдельное издание статьи «Анализ, стиль и веяние», он не возражал, но и эта идея почему-то не получила воплощения. Возможно, это было связано с тем, что к тому времени Перцов уже был занят подготовкой к изданию журнала «Новый путь».

В дальнейшем Перцов вошел в возглавляемый одним из ближайших друзей Леонтьева К. А. Губастовым кружок его памяти²⁶, собиравшийся с 1908 года, и должен был стать одним из авторов подготовленного силами кружка «Литературного сборника» памяти Леонтьева, который вышел в 1911 году к 20-летию со дня кончины мыслителя и писателя²⁷. Издание было задумано еще в 1909 году, Перцов был привлечен к подготовке на одном из ранних этапов, причем к нему обратились с просьбой подыскать и других авторов. Один из инициаторов издания, А. М. Коноплянцев, 29 января 1910 года напоминал о том, что Перцов обещал написать «статью об исторических воззрениях Леонтьева»²⁸. Перцов, однако, медлил, и через год, 20 февраля 1911 года, Коноплянцев снова напоминал ему о не исполненном обещании: «Вы обещали (и вполне определенно)

²³ «Сумерки просвещения», «Религия и культура», «Литературные очерки», «Природа и история».

²⁴ См. Приложение 2.

²⁵ О Фуделе как хранителе памяти Леонтьева см.: *Фетисенко О. Л.* «Отче и друже мой»: Отец Иосиф Фудель — друг, ученик и издатель К. Н. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Письма. Статьи. Воспоминания. СПб., 2012. С. 5–67; *Она же.* «Германский дух на православной почве»: отец Иосиф Фудель // «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 608–650.

²⁶ О кружке памяти Леонтьева: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»... С. 730–739; Письма К. А. Губастова к Б. В. Никольскому (1898, 1908–1911) // *Христианство и русская литература.* СПб., 2012. С. 250–273. Перцов перечислен среди прочих участников кружка в предисловии к сборнику «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Лит. сб. СПб., 1911. С. V; далее сокращенно: *Памяти Леонтьева*).

²⁷ О подготовке этого сборника см.: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»... С. 733, 735–739.

²⁸ РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 1308–1311. Л. 1–1 об.

приготовить статью для этого сборника, если не ошибаюсь — по вопросу об исторических взглядах Леонтьева. <...> Если она у Вас не приготовлена, то наверное Вам не будет затруднительно написать ее, не задерживая печатание Сборника. С своей стороны прибавлю, что было бы очень желательно видеть Вас участником в ряду других авторов сборника, так как избранная Вами тема очень интересна и очень важна для характеристики взглядов Леонтьева, Ваше же знание Леонтьева и понимание его служат гарантией того, что и статья Ваша будет одной из лучших. Говорю это без комплиментов. Если статья не готова, то не отказывайтесь от участия в сборнике. Ведь теперь уже и поздно и трудно искать кого-либо другого, кто бы мог вместо Вас написать на эту тему. Пусть хоть через 20 лет после смерти Леонтьев будет утешен, что его почитатели могут сделать хоть небольшое для его памяти»²⁹.

9 апреля Коноплянцеву снова пришлось вопрошать: «Готовите ли Вы свою работу? Ведь если всё ограничится лишь представленными рукописями, то придется сказать, что Сборник не удался и леонтьевское дело погибло. Одним „легким чтением“ заполнять его — это создать такую пустяковину, из-за которой нечего было и начинать всё это предприятие»³⁰. К лету выяснилось, что обещание не будет исполнено. 23 июня 1911 года Коноплянцев просил Б. В. Никольского обеспечить замену³¹ и сообщал: «П. П. Перцов хотел и обещал (твердо обещал) прислать статью тоже об исторических учениях Леонтьева, но когда узнал, что из теоретических статей в Сборнике будет лишь его одна, отказался от этого (мы виделись с ним лично)»³².

Но Перцов не отказался от замысла статьи об историософии Леонтьева и исполнил его. Статья, однако, осталась ненапечатанной и была в дальнейшем утрачена. Из писем Перцова к Розанову мы узнаем несколько деталей этой истории.

24 сентября 1915 года: «„Новое Время“ — унылая газета. Если напишешь что получше — они или прячут в приложение <...> или вовсе не „пускают“. Второй месяц „лежит“ мой фельетон о К. Леонтьеве, а там *впервые* (насколько знаю) сделано основательное возражение против его

²⁹ Там же. Л. 3–4.

³⁰ Цит. по: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»... С. 737.

³¹ В это время статью «Культурно-исторические воззрения К. Н. Леонтьева» спешно заканчивал ученик Никольского А. В. Королев (см.: Там же. С. 736, 738).

³² Цит. по: Там же. С. 739.

„микробной“ теории („воспаление легких“). Но „Нов<ому> Времени“ мил „балаган“ <...> и это печатается „стремглав“»³³.

Из дальнейшей переписки (письмо от 10 октября) выясняется, что это была статья для рубрики «Литературные заметки» под названием «Об одном чародее (К. Леонтьев)»³⁴. В названии звучала отсылка (не замеченная современными комментаторами писем Перцова) к посвященному Леонтьеву его учеником А. А. Александровым еще в 1884 году стихотворению «Чародей»³⁵. Эта деталь, а также предполагаемое время написания статьи (отсчитываем два месяца от конца сентября), позволяют с уверенностью сказать, что поводом к ее созданию послужил выход брошюры с воспоминаниями Александрова о Леонтьеве и письмами Леонтьева к нему.

Обратим внимание на две вещи. 1) Статья была вовсе не апологетического характера: Перцов полемизировал с Леонтьевым. Прозвучавшее в письме шуточное определение «„микробная“ теория» напоминало, как справедливо отмечено и в комментариях к указанному месту, о медицинском примере, иллюстрировавшем в книге «Византизм и Славянство» леонтьевскую теорию «триединого процесса развития» (клиническая картина развития острой пневмонии). 2) Статья была отвергнута редакцией. В 1915 году уже не было в живых А. С. Суворина, который был когда-то знаком с Леонтьевым (и, кстати, в 1891 году отказался переиздать один из его романов — «Одиссей Полихрониадес»), недолюбливал его, неоднократно еще при жизни Леонтьева помещал в своей газете отзывы о нем, порой даже уничижительного характера, а позднее сдерживал Розанова от излишних по поводу Леонтьева восторгов³⁶.

³³ Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911–1916. СПб., 2015. С. 149.

³⁴ Там же. С. 189. В составленном самим Перцовым перечне неопубликованных статей в название этой заметки введены кавычки («Об одном „чародее“»; см.: Там же. С. 152). Перцов уже знал к этому времени, что статья набрана, и просил Розанова помочь вырвать ее из недр редакции: «Это — очень хорошая статья (по совести), и нужно иметь „спустя рукава“ теперешнего „Нов<ого> Вр<емени>“, чтобы это не печатать» (Там же. С. 189). 12 октября он смог получить корректуру статьи сам (Там же. С. 192).

³⁵ Стихотворение было впервые опубликовано в 1891 г., а позднее переиздавалось, в том числе в сборнике «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (*Памяти Леонтьева*. С. 157–158), так что оно было хорошо известно Перцову.

³⁶ Так, 16 марта 1905 г. он писал Розанову по поводу одной из статей того о Леонтьеве, что не понял, почему Василий Васильевич считает, что Леонтьев «истинно велик», и добавлял, вынося статью отрицательный вердикт: «Я читал Леонтьева мало, но все-таки читал; я читал о нем Николаева, Тихомирова, не говоря о Фуделе, которого не стоит

Неясно, что же, т.е., собственно, *кто* в редакции после ухода Суворина мог служить препятствием для напечатания статьи Перцова. Думается, что просто текст показался слишком сложным для газеты, которая все больше ориентировалась на «балаган», как заметил в одном из процитированных выше писем сам Перцов.

Однако, несмотря на недавний «афронт» со статьей «Об одном чародее», к 25-летию со дня смерти Леонтьева Перцов написал для того же «Нового времени» небольшую статью о писателе «с такой странной судьбой»³⁷. И по изящной форме, и по богатству смысла она смело может быть отнесена к лучшему, что было сказано о Леонтьеве в тот юбилейный год. А слова о «космическом» эстетизме вводят эту скромную по задачам газетную статью в круг претекстов перцовской «Космономии». Предлагаем читателю републикацию этой заметки, сопровождаемую примечаниями.

Во втором приложении впервые публикуются по автографам (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. №№ 1499–1501) три письма о Иосифа Фуделя к Перцову. Авторские подчеркивания в них переданы курсивом, принадлежащие Перцову (сделанные им в первом письме) — собственно подчеркиванием.

читать по его лицемерию, но все-таки ничего не понял такого, что могло бы подсказать о величии этого человека. А я не могу печатать в газете того, чего я не понимаю...» (Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913. С. 148–149; Ю. Николаев — псевдоним Ю. Н. Говорухи-Отрока).

³⁷ Новое время. 1916. 14 нояб. № 14618. С. 4.

Приложение 1

П. Перцов

Константин Леонтьев

(К 25-летию со дня смерти. † 12 ноября 1891 года)

Вряд ли найдется в русской литературе другой писатель с такой странной судьбой. Странной и литературно, и биографически. В биографии — сперва медик, военный доктор во время севастопольской войны; потом дипломат (консул) на Ближнем Востоке; потом, после внезапного религиозного переворота, афонский послушник³⁸; далее — разорившийся бесхозяйственный помещик, проживавший все больше около Оптиной пустыни; в последние почти годы цензор в Москве³⁹; и наконец, в последние месяцы жизни тайный постриженник той же Оптиной, уже брат Климент⁴⁰ — вместо некогда блестящего, гордого, яркого Константина Николаевича Леонтьева, который за сорок лет, уже после Афона, все еще влюблялся, «а в меня и тем более», по собственному нескромному признанию⁴¹.

Литературно — это первоклассный талант, который так неизвестен, что, говоря о нем, нужно предварительно объяснять, кто это такой.

³⁸ Проведя на Св. Горе около года (1871–1872) Леонтьев, однако, не был послушником ни одного из афонских монастырей.

³⁹ Цензором Московского цензурного комитета Леонтьев служил в 1880–1887 годах.

⁴⁰ Тайный монашеский постриг с именем Климент, в честь св. Климента Римского и в память о своем покойном друге, оптинском иеромонахе Клименте (Зедергольме), Леонтьев принял 18-го (а не 23-го, как ошибочно сообщается с подачи А. М. Коноплянцева во всех работах о Леонтьеве) августа 1891 года. Точная дата устанавливается по письму Леонтьева к о. Иосифу Фуделю от 5 сентября 1891 года (см.: «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Письма. Статьи. Воспоминания. СПб., 2012. С. 325; далее сокращенно: «Преемство от отцов»).

⁴¹ Неточная цитата из письма Леонтьева к Л. А. Тихомирову 1891 года (адресат установлен нами), написанного как небольшой трактат на тему «Обязательно ли послушание?» и впервые опубликованного в 1894 году в виде заметки под названием «Письмо о старчестве». Ср.: «„Господи! Наставь же старца так, чтобы он был опорой и утешением! Ты знаешь мою борьбу!“ (Она была иногда ужасна, ибо тогда я еще мог влюбляться; а в меня еще больше!)». Без указания источника, но со ссылкой на первую публикацию («„Русское Обозрение>“ 1894 г. № 9») цитата приводится в написанной А. М. Коноплянцевым биографии Леонтьева (*Памяти Леонтьева*. С. 134), откуда она и стала известна Перцову.

«Большая публика» в лучших случаях путает его с П. М. Леонтьевым⁴² (сподвижником Каткова), а в худших (и обычных) ничего о нем не знает. А между тем талант Леонтьева был так многогранен: публицист, философ, критик, и еще беллетрист, с весьма незаурядным художественным дарованием, и с такими оригинальными сюжетами, как жизнь и быт балканского и греческого Востока. Беллетристы ли не популярны в России? Но в этом заколдованном случае не помогла и беллетристика: повестей и романов Леонтьева так же никто почти не знает, как и его статей.

«Судьба!» Древний Рок! Сам Леонтьев так и объяснял эту свою литературную заколдованность, видя в ней с «оптинской» точки зрения некоторое «веление свыше»⁴³. Но вот теперь, оглядываясь издали на причудливый «лик» этого анархиста-реакционера, благочестивого эстета, православного Алкивиада⁴⁴, невольно хочется крикнуть ему «за предел»: да какой же другой судьбы хотели вы для себя, К<онстантин> Н<иколаевич>? Не вы ли так упорно, так страстно, непримиримо ненавидели всякий «средний уровень», всякую «обыденность», доказывая и убеждая, задолго до Ницше, что только индивидуальная сила и оригинальность имеют право на жизнь и на наше внимание? Ну, вот Рок и услышал вашу проповедь, применив ее прежде всего к самому проповеднику. «Судьба» самого Леонтьева вышла совершенно исключительной, ни на чью непохожей, и по-своему такой художественно-завершенной, что с ней не сравнится в этом смысле даже судьба Герцена или Чаадаева. В этом гордом своем «отвержении» Леонтьев остался самой красивой фигурой «российской словесности». И, мнится, если бы показать ему «во мгновение времени» всю эту его литературную участь, как она определилась в перспективе годов, он молча удовлетворенно кивнул бы им головой...

⁴² Павел Михайлович Леонтьев (1822–1875) — филолог-классик, профессор Московского университета, публицист, первый директор Лицея в память Цесаревича Николая, друг и сподвижник М. Н. Каткова. Леонтьев был с ним знаком, мемуарный фрагмент о нем содержится в его автобиографических записках «Моя литературная судьба».

⁴³ Перцов не мог тогда знать неопубликованные письма Леонтьева, где многократно проговаривалась эта мысль, но основывался на словах Коноплянцев из написанной им леонтьевской биографии: «...замалчивание его идей, которое сам он приписывал деснице Божией, карающей его за грехи» (*Памяти Леонтьева*. С. 125).

⁴⁴ Алкивиадом любил называть Леонтьева Розанов. См. в его статье «Неузнанный феномен» (Там же. С. 171). Ср. также в статье Коноплянцев: «Он любил Алкивиада, завидовал Калигуле во всех его красивых пороках и распутствах...» (Там же. С. 64). Тема «зависти», думается, привнесена самим биографом.

В последние годы «открытия» Леонтьева — и, пожалуй, с легкой руки В. В. Розанова, на которого Леонтьев оказал никогда не стирающееся влияние⁴⁵, стали писаться статьи о нем, выходить книги⁴⁶, вышел сборник его памяти⁴⁷, переизданы сочинения⁴⁸, написана богословская о нем диссертация (свящ. Аггеева)⁴⁹. И нет сомнения, что к 50-летию юбилею напишется целая маленькая литература. Леонтьев именно такой писатель, которые живут не при жизни, а после смерти.

«Русский Ницше» — это определение того же Розанова успело пустить корни⁵⁰. Вполне верным его трудно признать, хотя бы уже потому, что трудно представить себе Ницше при каких бы то ни было условиях укрывшимся под сень какой-нибудь западной Оптиной пустыни, — нашедшим разрешение своей жизненной и духовной борьбы в потаенно носимом нательном кресте негласного постриженника. Совсем другие горизонты верований и исканий — и в конце концов совсем другая духовная культура, иная наследственная и окружающая среда...

⁴⁵ О существовании писателя и мыслителя Леонтьева Розанов впервые узнал в 1890 году, прочитав в «Русском вестнике» его статью о Толстом. В 1891 году завязалась их переписка, сблизившая корреспондентов так, что Леонтьев увидел в Розанове чуть ли не своего возможного преемника. Когда Розанов прислал Леонтьеву в рукописи начало статьи о нем, тот написал о. Иосифу Фуделю: «...остается только воскликнуть: „Ныне отпускаеши с миром раба Твоего, Владыко!..“ Бóльшего я не могу и желать!» («Преемство от отцов». С. 456).

⁴⁶ См.: *Козырев А. П.* Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: в 2 кн. СПб., 1995. Т. 1. С. 417–435.

⁴⁷ Речь идет о вышедшем в 1911 году в Петербурге «литературном сборнике» «Памяти Константина Николаевича Леонтьева».

⁴⁸ Имеется в виду прерванное в 1914 году на девятом томе собрание сочинений Леонтьева, подготовленное прот. И. И. Фуделем (начало выходить в 1912 году). Об истории его подготовки см.: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»... С. 638–641.

⁴⁹ Речь идет о магистерской диссертации священника Константина Марковича Аггеева (1868–1921) «Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни: Опыт раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства» (отд. изд.: Киев, 1909). Аггеев пользовался в своей работе предоставленными ему Розановым тетрадами с наклейками отзывов о Леонтьеве, сопровождаемых многочисленными примечаниями самого Леонтьева. Вероятнее всего, Перцову принадлежит газетный отклик на доклад Аггеева в Христианской секции Религиозно-философского общества (см.: *П.* В обществе мистическом // *Новое время.* 1909. № 12108. 25 нояб. С. 4).

⁵⁰ Считая, что это выражение принадлежит Розанову, Перцов, вероятно, имел в виду фрагмент из его статьи «Неузнанный феномен» (*Памяти Леонтьева.* С. 181–183). Впервые о том, что Леонтьев «предвосхитил многие мысли Ницше», сказал Вл. Соловьев в посвященной писателю статье в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза – Ефрона. См. подробнее: «Преемство от отцов». С. 662.

Но и помимо этих «объективных» условий, мне кажется, пишущие о Леонтьеве обычно преувеличивают черты его эстетизма. Неустанный проповедник «разнообразия и сложности в жизни», он легко превращается под пером современных искателей и поклонников красоты (черта времени!) в какого-то русского Оскара Уайльда или Флобера⁵¹. Но, как справедливо заметил уже в своем интересном очерке о Леонтьеве (в сборнике его памяти) г. Б. Никольский, — нет такой эстетики, которая могла бы завести человека в монахи⁵². Помимо все того же основного водораздела «Востока» и «Запада», помимо того, что у Леонтьева, как это часто бывает на Руси, все «мирское» в сущности не доходило до «корня души», — даже пресловутый этот его «эстетизм» нужно принимать *cum grano salis*⁵³. Лучшей меркой действительной напитанности человека эстетической стихией можно считать его отношение к искусству. Оскар Уайльд, Флобер, у нас Тургенев — энтузиасты искусства, тонкие его знатоки и гурманы.

Что же Леонтьев? И к искусству собственно (помимо все той же «красоты жизни») он почти равнодушен, во всяком случае не энтузиастичен. Из всех искусств он имеет тяготение только к тому, в котором упражнялся сам, т.е. к изящной литературе. Но литературный эстетизм есть самое распространенное явление в России времен Пушкина-Тургенева-Толстого. Его следует считать более национальной чертой, чем личной. Гораздо показательнее в этом смысле любовь к пластическим искусствам (далеко не столь популярным в русской среде). И к ним Леонтьев не проявляет никакого особого интереса⁵⁴. Живя так долго в Константинополе, столько

⁵¹ Развернутое сопоставление Леонтьева с Г. Флобером содержится в статье Ю. С. Карцова «К. Н. Леонтьев» (*Памяти Леонтьева*. С. 246–251).

⁵² Ср.: «Существуют попытки охарактеризовать мировоззрение Леонтьева как эстетическое. Он сам был склонен к этой мысли. <...> Позволительно спросить, какой эстетизм может завести человека в монахи?» (*Никольский Б. В.* К характеристике К. Н. Леонтьева // Там же. С. 369). Далее Никольский сам отвечает на этот вопрос: «Его эстетизм — эстетизм подвига. <...> „эстетика“ лишь дополняет у него героизм и в этом смысле является производным, а не первичным элементом его мировоззрения...» (Там же. С. 377).

⁵³ С долей скептицизма (букв.: «с крупинкой соли», лат.).

⁵⁴ Это не вполне соответствует действительности. В художественных произведениях и статьях Леонтьева можно обнаружить множество характеристик архитектурных сооружений, отдельных стилей. Его суждения об иконах (которые тоже, с точки зрения эстетики, могут быть рассмотрены как произведения «пластического искусства») свидетельствуют и об интересе, и о сформировавшемся вкусе. Точность же в описаниях предметов убранства восточных домов, национальной одежды и т.д. говорит даже

о нем написав политических и религиозных размышлений, он ничего не собрался написать о храме св. Софии, даже, кажется, не упоминает о нем⁵⁵. Ничего не написал и о греческих древностях, о Парфеноне, о мозаиках в Салониках (где был консулом)⁵⁶. Странный «эстет»! Тургенев

о детальном знании предмета. Правильнее было бы сказать, что Леонтьев не испытывал к «пластике» эстетского (а не эстетического) интереса. Напомним также слова, завершавшие одну из заметок цикла «Сквозь нашу призму» (1880): «А „прекрасное“ нынче все потихоньку спускается в те скучные *катакомбы пластики*, которые зовутся музеями и выставками и в которых происходит что-нибудь одно: или снуют без толку толпы людей, мало понимающих; или „изучают“ что-нибудь специалисты и любители, т. е. люди, быть может, и понимающие изящное „со стороны“, но в жизнь ничего в этом роде *сами* не вносящие... *Сами-то* они большею частью как-то плохи — эти серьезные люди!» (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб., 2006. Т. 7. Кн. 2. С. 222).

⁵⁵ Перцов не точен. См. статью «Храм и Церковь» (1878), а также упоминания Св. Софии в «восточных повестях». Другое дело, что для Леонтьева этот храм был важен не как памятник искусства, а как одна из главных святынь Вселенского Православия. Сам Перцов посвятил Св. Софии несколько страниц в путевых очерках «Царьград и Афины» (1899), назвал ее «*храмом будущего*» (Перцов П. Первый сборник... С. 278) и так развивал эту свою мысль: «Если нужно доказательство, что Византия выражала в своем духовном строе, хотя бы лишь в зачатке, более позднюю и глубокую форму духа, нежели молодая, в то время едва проснувшаяся к сознательной жизни, Европа, то это доказательство — в сравнении готических соборов со Святой Софией».

Конечно, это — самый сложный храм и, вместе, самый мудрый: это — храм старости. И невозможно отделаться от мысли, что человечество придет еще когда-нибудь в эти стены и под этот купол — придет, просветленное иным, несравненно более высоким сознанием и одушевленное вновь загоревшимся религиозным чувством, чтобы снова поклониться — может быть, на своем закате, — Божественной Премудрости в Ее единственном, неповторенном и неповторимом храме.

Здесь, в стенах этого храма, я вспомнил глубокоую и горячую мысль моей страны, так долго стремившуюся к этому храму. И здесь понял я, как преждевременна, хотя вместе с тем и насколько знаменательна была эта мысль. Нет — *право* на такой храм надо еще заслужить; надо, чтобы в новых руках он стал тем, чем он *может* быть. А без того и старый Константинополь не может быть новым Царьградом» (Там же. С. 279–280). В последнем абзаце Перцов повторяет ровно то же, о чем писал Леонтьев в 1878–1879 годах, объясняя, почему русские тогда не вошли в Царьград.

⁵⁶ Консулом в Салоники Леонтьев был назначен в 1871 году. Он приехал туда разбитым нажитой за годы службы лихорадкой и в тяжелом душевном состоянии (именно в этом году он впервые всерьез задумался о принятии монашества). Через год он переживет тяжелую, грозящую смертью, болезнь и чудесное исцеление, после чего отправится на Афон. Как видим, в этот год ему было не до мозаик. См. также: *Памяти Леонтьева*. С. 209.

плакал от умиления, глядя в Берлине на пергамские мраморы⁵⁷. Можно себе представить, что он нашел бы в Афинах, если бы г-жа Виардо пустила его погулять по Востоку. Прочитайте у Флобера страницы такого путешествия (в письмах)⁵⁸! Леонтьев был в Афинах⁵⁹, но об этом можно не догадаться по его писаниям. Он только выбрал современные Афины за то, что в них нет «красоты быта»⁶⁰.

⁵⁷ Имеются в виду горельефы Пергамского алтаря в Берлинском Музее, которым Тургенев посвятил статью «Пергамские раскопки (Письмо в редакцию)» (1880). В конце ее звучат такие слова: «...выходя из Музеума, я подумал: „Как я счастлив, что я не умер, не дожив до последних впечатлений, что я видел всё это!“» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М., 1982. Т. 10. С. 330).

⁵⁸ Речь идет о письмах Флобера к его другу, Луи Буйе, относящихся ко времени его первого путешествия на Восток (1849–1850).

⁵⁹ О посещении Леонтьевым Афин ничего не известно. Из освобожденных греческих земель он побывал только на о. Корфу.

⁶⁰ Перцов, возможно, подразумевает отзыв Леонтьева о современных греках в статье «Русские, греки и юго-славяне»: «Боли мало; чувства грубее; потребности просты и легко удовлетворимы; фантазия не развита; аристократичности нет вовсе в ближайшем прошедшем, и потому и вкус, и ум, и самое тело не так требовательны во всем: и в поэзии, и в светском быте (см. Абу: „Современная Греция“), и в эротических чувствах, и в любви... и, наконец, в религии» (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем... Т. 7. Кн. 1. С. 478). Ср. в той же статье: «Афинянин образованный это что такое? Немножко ритор древний, немного парижский демагог, немного аферист; немного коломенский мон-шер и mauvais genre, когда примется любезничать с дамами» (Там же. С. 452). В романе «Одиссей Полихрониадес» повествователь (грек-загорец) обращается к своему афинскому другу со словами: «Боюсь, что классические мраморы древних афинских Пропилей, от соседства которых ваша современная афинская жизнь все-таки не становится ни пышнее, ни изящнее, боюсь, что эти вечные мраморы угасили в тебе всякую искру любви к иным проявлениям греческого духа...» (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем... Т. 4. С. 107). Можно было бы привести множество примеров из «восточных повестей» Леонтьева и упомянутого романа, иллюстрирующих то, что писатель смотрел на современных ему афинских греков (которых ему доводилось встречать во время дипломатической службы во множестве) всегда глазами лучше ему знакомых и более ему симпатичных греков Османской империи, в тот период менее затронутых влиянием «европейской цивилизации» и старавшихся хранить национальные традиции. Отсюда постоянная ирония и часто карикатурность в изображении афинян. Вспоминаются, например, похожий на воробья «афинский ритор» Вамвакос в «Одиссее...» — классический «средний европеец», или зять главного героя в повести «Аспазия Ламприди», который, «восхваляя при случае (и как нельзя солиднее и спокойнее) эллинскую свободу, конституцию и равенство и всю прелесть политических прений и борьбы <...> обеспечил себя и семью свою исподволь капиталом в деспотической России и варварской Турции, подальше от конституций, от равенства и блестящих прений» (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем... Т. 3. С. 230).

В этом все и дело: Леонтьев был совсем не западный эстет, а восточный мистик, искавший под псевдонимом «красоты» не столько собственную художественность, проявленную в человеческом творчестве, сколько пышное раскрытие и взаимную гармонию всех жизненных сил — и природы, и истории, и личности. Его «эстетизм» был какой-то *космический*: он стремился к «космосу» в древнем значении этого слова — к какому-то общему «ладу» вселенной. И в этом глубоко сказалась в нем подлинная русская стихия, — и с этим его устремлением не в поверхностном раздоре, а в глубоком тоже «ладу» находились религиозные запросы его души.

Поэтому и мог он, начав жизненно «эстетикой», кончить втайне надетым большим крестом⁶¹...

Приложение 2

Письма отца Иосифа Фуделя к П. П. Перцову (1902–1911)

1

10 января 1902 г., Москва⁶²

10-го янв<аря> 902 г.

Многоуважаемый
Петр Петрович!

Спешу Вам сообщить, что по поводу Вашего предложения издать статью К. Леонтьева «Анализ»⁶³ я входил в сношение с племянницей К. Леонтьева, Марьей Владимировной Леонтьевой, коей по духовному

⁶¹ Здесь и выше (говоря о «нательном кресте... постриженника») Перцов, конечно, подразумевал монашеский параман.

⁶² В левом верхнем углу помета Перцова: «Отвечено 12 янв<аря> 1902 г.» (РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 1499–1501. Л. 1).

⁶³ Речь идет о статье «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого», впервые опубликованной в «Русском вестнике» (1890. № 6. С. 245–277; № 7. С. 234–268; № 8. С. 205–244); первая глава (под названием «По поводу моих статей „Анализ, стиль и веяние“») была опубликована в «Гражданине» (1890. 8 июня. № 157. С. 1; 9 июня. № 158. С. 1); первой редакцией глав II–V является статья «„Анна Каренина“ и „Война и Мир“» из цикла «Записки отшельника» (Гражданин. 1888. 2 февр. № 33. С. 4; 6 февр. № 37. С. 3; 9 февр. № 40. С. 4).

завещанию предоставлено право распоряжаться литературным наследием К. Леонтьева⁶⁴. (Двум другим наследницам предоставлено только право участия в доходах от этого наследства⁶⁵.)

Марья Владиміровна Леонтьева выразила свое полное согласие на то, чтобы предоставить Вам право издания сочинения К. Леонтьева «Анализ, стиль и веяние» при соблюдении следующих условий:

1.) Издание должно быть отпечатано в количестве 1200 экземпляров (может быть и меньше)⁶⁶.

2.) За покрытием от выручки всех расходов по изданию, весь *чистый* доход должен делиться *пополам* между наследницами К. Леонтьева и издателем, причем желательно, чтобы наследницы были раньше удовлетворены⁶⁷.

3.) По отпечатании издания — наследницам должно быть предоставлено бесплатно от 15 до 20 экземпляров книги, для раздачи родственникам.

4.) При печатании книги, последняя корректура листов для просмотра должна быть предоставлена мне — Священнику И. Фудель.

В дополнение к этим 4-м условиям, М. В. Леонтьева выразила желание, чтобы в начале книги «Анализ» было приложено хоть краткое предисловие⁶⁸.

Вот и всё самое существенное и важное, что необходимо для издания. О всех подробностях и затруднениях, какие Вы можете встретить при соблюдении этих условий, мы с Вами сговоримся или письменно, или лично при свидании. Имейте в виду, что М. Вл. Леонтьева нотариальной доверенностью, выданной еще 7-го апреля 1897 года, предоставила

⁶⁴ Мария Владимировна Леонтьева (1847–1927) — племянница и хранительница архива К. Н. Леонтьева. К сожалению, ее письма к о. Иосифу начала 1900-х годов не сохранились. Более поздние (с 1909 г.) см.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 102.

⁶⁵ Жена Леонтьева, Елизавета Павловна (наст. отч. Борисовна; урожд. Политова; ок. 1842–1917), не была его наследницей по причине своей душевной болезни. В завещании в качестве сонаследниц наряду с главной (М. В. Леонтьевой) были названы другая племянница, Екатерина Васильевна Самбикина (ум. в 1911 г.; ко времени письма Фуделя она уже была монахиней Шамординского монастыря, где потом стала и настоятельницей), и воспитанница Леонтьева Варвара Лукьяновна Пронина (урожд. Сворова; ок. 1866–1950). См.: *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем... Т. 6. Кн. 2. С. 36.

⁶⁶ Перцов подписал карандашом: «600 или 1000».

⁶⁷ Подчеркнуто карандашом Перцовым, слева на полях, также карандашом, его помета: «Конечно».

⁶⁸ Позднее книга будет переиздана с предисловием А. А. Александрова (см. ниже примеч. 78).

мне право на ведение всех дел по изданию, печатанию и продаже сочинений Константина Леонтьева⁶⁹.

И в данном случае она просит Вас обращаться прямо ко мне за решением всех вопросов по изданию.

Покорнейше прошу Вас, многоуважаемый Петр Петрович, ответить мне поскорее, согласны ли Вы приступить к изданию «Анализа» на предложенных условиях и нет ли с Вашей стороны каких-либо вопросов и затруднений?

Мой адрес: г. Москва, Центральная Пересыльная Тюрьма⁷⁰, Священнику Иосифу Ивановичу Фудель.

С истинным почтением к Вам
Ваш покорнейший слуга
Священник Иосиф Фудель.

2

15 января 1902 г., Москва⁷¹

Многоуважаемый
Петр Петрович!

Относительно издания «Новых христиан»⁷² К. Леонтьева я ничего определенного Вам не могу сказать теперь. Этой брошюры у меня нет и не было; хотя во 2-м томе Сборника всё это было напечатано⁷³. Тем

⁶⁹ Этот документ сохранился, см.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 83.

⁷⁰ Настоятелем храма Центральной пересыльной тюрьмы (печально знаменитой Бутырки) о. Иосиф был в 1892–1907 годах. См.: Фудель И., *свящ.* Дневник священника пересыльной тюрьмы // Православная община. 1991. № 3. С. 60–69; № 4. С. 55–63; См. также воспоминания его сына: Фудель С. И. Собр. соч.: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 29–33.

⁷¹ Помета Перцова в левом верхнем углу карандашом: «1902 17/1. / Отвечено 24 янв-аря» (РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 1499–1501. Л. 3).

⁷² Перцов выразил желание переиздать к тому времени мало распространенную брошюру Леонтьева «Наши новые христиане» (М., 1882), в которую вошли статьи о Толстом («Страх Божий и любовь к человечеству», 1881) и Достоевском («О всемирной любви», 1880).

⁷³ Во второй том книги «Восток, Россия и Славянство» действительно вошли обе указанные статьи, но уже в другой редакции, отличающейся от варианта 1882 года, с рядом дополнений и, наоборот, изъятий, со значительной правкой. Не включено туда и предисловия (лишь его часть была перенесена в одну из статей). Да и текст 1882 года тоже отличался от текста первых газетных публикаций. (Всё это теперь нашло отражение в разделе вариантов девятого тома Полного собрания сочинений Леонтьева, вышедшего

не менее надо достать и экземпляр отдельной брошюры. Спрошу об этом всем у наследницы.

Но мне представляется, что переиздание «Новых христиан» в *отдельном* издании будет некоторым анахронизмом. Нет сомнения, что если бы К. Леонтьев был жив и задумал бы переиздать эту брошюру, он многое изменил бы и дополнил в оценке своей Л. Толстого, в виду всего того, что Л. Толстым написано было после 85-го года⁷⁴. Ведь тогда религиозные убеждения Л. Толстого только намечались, а теперь они слишком выпукло обрисовались. Хорошо ли с этой точки зрения переиздавать вновь сочинение автора не в Полном Собрании его сочинений, а отдельной брошюрой?

Издание «Анализа»⁷⁵ не может вызвать таких возражений. Это произведение классическое и неизменное. Да притом по своей объективности оно не может ни в ком вызвать враждебного чувства по отношению к К. Леонтьеву, что также очень важно.

Я не вижу причины, почему бы не издать «Анализа» теперь, а что-либо более яркое из сочинений К. Леонтьева немного позже. Есть прекрасные вещи из не вошедших в два тома Сборника. Об этом я переговорю с наследницей и напишу Вам в Казань.

Корректурой «Анализа» я интересуюсь не с внешней стороны (это всецело Вам принадлежит), а со стороны самого текста, т. е. тех поправок, которые будут внесены в текст на основании имеющегося у Розанова исправленного экземпляра Анализа⁷⁶. Но вопрос этот, думаю, можно решить так: ведите последнюю корректуру сами, но чтобы не замедлять печатания, требуйте из Типографии себе листы в *двух* экземплярах: один из них будете посылать мне. Или же, если это невозможно, то лишний экземпляр гранок мне пришлите. Только всего.

в 2014 году.) О. Иосиф позднее, в восьмом томе издаваемого им собрания сочинений Леонтьева, напечатает статьи в редакции 1885 года, что, с научной точки зрения, совершенно справедливо. Но и идея Перцова, до сих пор оставшаяся невоплощенной, имеет свой глубокий смысл.

⁷⁴ Имеются в виду религиозно-философские трактаты и антицерковная публицистика Толстого.

⁷⁵ См. письмо 1.

⁷⁶ Потом этот экземпляр (корректурные гранки «Русского вестника» с несколькими отсутствующими страницами) был передан Фуделю (сохранился в РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 14).

Хорошо было бы мне с Вами повидаться при Вашем проезде через Москву; если остановитесь хоть на несколько часов, заезжайте, или пришлите телеграмму — где Вас видеть.

С истинной преданностью
Священник Иосиф Фудель.
15-го янв<аря> 902 г.

3

26 апреля 1911 г.⁷⁷

Милостивый Государь
Петр Петрович!

Статью К. Леонтьева «Анализ, стиль и веяние», которую Вы так ценили, удалось наконец издать книгой⁷⁸. Посылаю ее Вам в надежде, что это будет Вам приятно. К сожалению, не знаю Вашего адреса и посылаю в Новое Время.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам свое глубокое уважение
Ваш покорный слуга
Протоиерей Иосиф Фудель.
26 апр<еля> 911.
Москва. Арбат. Никольский, 23⁷⁹.

⁷⁷ Помета Перцова в правом верхнем углу карандашом: «17/V 1911. / Отвеч<ено>. 18/V» (РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 1499–1501. Л. 5). На л. 6 об. в левом верхнем и правом нижнем углах пометы: «г. Фудель. / г. Фудель. / - 3 -».

⁷⁸ Речь идет об осуществленном А. А. Александровым (возможно, при участии о. Иосифа) издании: *Леонтьев К. Н.* О романах гр. Толстого. Анализ, стиль и веяние. М.: Т-во «Культура», 1911. При этом по требованиям издательства пришлось поменять местами авторское название и подзаголовок. См. об этом: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»... С. 554. На издание откликнулись рецензиями Н. О. Лернер (Речь. 1911. 27 июня. С. 3; Исторический вестник. 1911. Дек. С. 1173–1175; во второй статье подпись: Н. Л.), А. И. Введенский (К. Н. Леонтьев о Л. Н. Толстом // Московские ведомости. 1911. 7 мая. № 103. С. 2–3; подпись: А. Басаргин), А. Г. Горнфельд (Русское богатство. 1911. № 9. Отд. II. С. 171–175; без подписи) и В. Е. Чешихин-Ветринский (Вестник Европы. 1911. № 8. С. 399–403; подпись: Ч. В-ский). Прот. И. Фудель также написал короткую рецензию на эту книгу. См.: Московские ведомости. 1911. 28 апр. № 95. С. 4 (подпись: И. Ф.); переиздание: «Преемство от отцов». С. 376.

⁷⁹ Современное название — Плотников переулочек. В 1907 году о. Иосиф был назначен настоятелем храма св. Николая в Плотниках и поселился с семьей в деревянном церковном доме (*Фудель С. И.* Воспоминания... С. 33).

Источники и литература

1. Воспоминатели мгновений: Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911–1916 / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб., 2015 (Сер. «Литературные изгнанники»).
2. *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 2006.
3. *Козырев А. П.* Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: в 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 417–435.
4. *Коноплянцев А. М.* Письма к П. П. Перцову // РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 1308–1311.
5. *Лавров А. В.* Введение в «Диалологию» П. П. Перцова // Полярность в культуре. СПб., 1996. С. 204–216.
6. *Лавров А. В.* Литератор Перцов // Перцов П. П. Литературные воспоминания. М., 2002. С. 5–34.
7. *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2000 — издание продолжается.
8. *Никольский Б. В.* К характеристике К. Н. Леонтьева // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Лит. сб. СПб., 1911. С. 365–381.
9. Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Литературный сборник. СПб., 1911.
10. *Перцов П.* Константин Леонтьев // Новое время. 1916. 26 нояб. № 14618. С. 4.
11. *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. М., 2002.
12. *Перцов П. П.* Первый сборник. СПб., 1902.
13. *Перцов П. П.* Письма к В. В. Розанову (1898–1899) // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 77–80.
14. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913.
15. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012.
16. *Резниченко А. И.* П. П. Перцов: морфология недостроенной системы (1897–1947) // Резниченко А. О смыслах имен. М., 2012. С. 252–271.
17. *Розанов В. В.* Письма к П. П. Перцову (1897–1899) // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 176–178.
18. *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012.
19. *Фудель И. И., прот.* Письма к П. П. Перцову (1902, 1911) // РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Ед. хр. 1499–1501.
20. *Фудель С. И.* Воспоминания // Фудель С. И. Собр. соч.: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 13–108.